

УДК 811.521
DOI 10.26456/vtfilol/2022.4.184

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЯПОНСКИХ ОНОМАТОПЕИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КОМИКСАХ МАНГА

С.А. Колосов, Я.В. Туманов

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье обсуждаются структурные, содержательные и функциональные аспекты ономатопеических элементов в японских комиксах манга. Анализируются типичные трудности, возникающие при передаче ономатопей на русский язык: специфика вёрстки поликодового текста, лингвистические особенности японских ономатопей, межъязыковая лакунарность, семантико-прагматические нюансы.

Ключевые слова: манга, поликодовый текст, ономатопея, звукоподражание, перевод, локализация.

Популярность японских комиксов манга в последние годы значительно выросла во всём мире. В этой связи интерес представляет изучение форм и приёмов транскультурной адаптации манги при переводе на другие языки.

Комиксы манга в современном виде – сравнительно молодая форма литературно-изобразительного искусства, которая, однако, имеет глубокие корни в японской культурной традиции. Историки культуры до сих пор ведут споры, откуда возникла манга, но обычно прослеживается следующая схема развития: иероглифическая письменность – свитковая живопись эмаки – гравюра укиё-э – книжки с картинками кибёси – манга. Иногда в начале всей этой схемы ставят лубочные картинки периода Яёй (3 в. до н. э. – 3 в. н. э.) [6: 13–14].

Манга представляет собой сложное семиотическое единство визуального и вербального компонентов, то есть является креолизованным, или поликодовым, текстом. В таких типах текста вербальные и иконические элементы «образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [4: 17].

Отличительными чертами манги как этнокультурноспецифического жанра графической литературы являются черно-белая графика (хотя существуют примеры и цветной манги) и порядок чтения справа налево. При переводе манги на другой язык актуализируется целый ряд проблемных аспектов как лингвистического, так и экстралингвистического свойства, требующих лингвокультурной адаптации. В частности, сюда относятся особенности вёрстки, связанные с изменением компонентов рисунка, в которых присутствует вербальная составляющая – облаков с репликами персонажей, так называемых текстовых пузырей или

«баблов». Как отмечается в [1: 100], «вёрстка манги – полноценное искусство, в котором нужно учиться не только оформлять сложносочинённые японские истории, но и управлять восприятием читателя, расставляя акценты и программируя его эстетическое видение типографики».

Помимо непосредственной передачи реплик персонажей, вербальные компоненты, интегрированные в изображение, используются для передачи звуков, сопровождающих то или иное действие, а также номинации объектов художественного мира комикса (надписи, вывески и т. п.). Следует отметить, что разрешение на вмешательство в рисунок в обязательном порядке согласуется с автором и/или его представителями. При запрете на какие-либо изменения рисунка перевод вербальных компонентов прописывается отдельно. Если же вмешательство в рисунок разрешено, локализатор вправе полностью переводить вербальные компоненты или помещать перевод-сноску рядом с компонентом на рисунке или за его пределами (см. рис 1). Сравнительный анализ показывает, что практически во всех англоязычных изданиях манги предпочтение отдаётся полной адаптации ономатопеических надписей, в то время как в русскоязычных версиях нередко прибегают к переводу-сноске (например, так поступает издательство «Азбука-Аттикус»).

Рис. 1. Возможные варианты адаптации ономатопеи: а) исходный вариант, б) полная адаптация, в) перевод-сноска

Предметом исследования в этой статье является специфика перевода ономатопеических единиц манги на русский язык. Под ономатопеическими (или оноματοпозэтическими) единицами японского языка подразумеваются слова, передающие звуки живой и неживой природы, физические и эмоциональные ощущения, описывающие действия и состояния предметов [8: 7]. Одной из наиболее частых проблем, с которой сталкиваются переводчики манги, является трудность адекватного перевода таких слов, так как у японских ономапоей имеется ряд особенностей, затрудняющих их перевод на русский язык.

Ономапоеи в японском языке можно разделить на две обширные группы: звукоподражательные (гионго) и образоподражательные (гисэйго) [5: 263; 8: 7]. Первые передают различные звуки: например, *го-со-го-со* ‘шелест твёрдых, но легких предметов при соприкосновении (например, листьев)’ или *ван* ‘лай собаки’. Вторые же передают эмоциональный образ, состояние, в котором человек пребывает, некие эффекты

или ощущения: например, *пикапика* ‘эффект от сверкания молнии или блеска предметов’ или *фусафуса* ‘ощущение от пушистой шерсти’ [3: 65]. Если ономотопеи первой группы широко представлены в русском языке и в большинстве случаев им достаточно легко подобрать эквивалент (для *госогосо* таким эквивалентом будет *шурх*, для *ван – гав*), то в отношении образоподражательных ономотопей подбор эквивалента зачастую достаточно затруднителен.

Японский язык богат ономотопеическими единицами, что ведёт к двум ключевым сложностям для переводчика: во-первых, не всегда таким звукам представляется возможным подобрать эквивалент; во-вторых, велика вероятность, что предлагаемый эквивалент не отражает всех смысловых нюансов конкретной звукоподражательной единицы. Так, ономотопея *кон* передаёт крик лисы, *добю* – удар мимо цели, *пико* – удар молоточком об голову. Подобрать русские эквиваленты таким ономотопеям в принципе возможно (для *кон* подойдет *тяв*, для *добю* – *фух*, для *пико* – *пум*), однако в переводе они скорее всего не будут восприниматься так же однозначно, как в японском языке.

Ономотопеи в японском языке довольно часто используются в повседневной речи, причём, в отличие от русского языка, где обилие такой лексики говорит об экспрессивности или несерьёзности, а то и об инфантильности говорящего, в японском языке подобная лексика, несмотря на явную экспрессивность, может восприниматься сдержанно и нейтрально. В японском языке от ономотопей часто образуют глаголы: от ономотопеи со значением деления на части *барабара* образуется глагол *барабарани суру* ‘разобрать на части, развалить, разбить вдребезги’; от ономотопеи возбуждения, взволнованности *вакуваку* образуется глагол *вакувакусуру* ‘нервничать, волноваться, предвкушать что-либо’; от ономотопеи, репрезентирующей чувство сильного голода *пэкопэко*, можно образовать глагол *пэкопэко дэсу* ‘быть голодным, умирать от голода’. В русском языке подобное словообразование встречается гораздо реже (ср., например, глагол *бабахнуть*).

В манге ономотопеи чаще всего используются в качестве звукового и эмоционального наполнения картинки. Ономотопеями передаются различные звуки окружающего мира и эмоции, а также задаётся атмосфера происходящего. Обычно ономотопеи интегрированы в рисунок комикса, таким образом являясь его частью, которую персонажи не видят, но могут воспринимать. Иногда ономотопеи, как и диалоги героев, прописываются в отдельных выносках («пузырях»). Поскольку ономотопеи являются частью изображения, автор также может использовать различные шрифты для их передачи. Наконец, ономотопеи могут выходить за рамки рисунка и даже охватывать всю страницу или весь разворот комикса, тем самым показывая динамику и размах происходящего дей-

ствия. Всё это говорит о том, что кроме лексического значения ономотопеи при адаптации также большую роль играет и то, как ономотопея «изображена» в комиксе [7: 207].

На рис. 2 представлен фрагмент манги Эйитиро Оды One Piece (рус. «Большой куш»), в котором использованы ономотопеи しん (син) – «звук» тишины и ザツ (резко обрывающееся *дза*) – звук шарканья. Стоит обратить внимание на их расположение: *син* находится в верхней части рисунка и сильно растянута, как бы показывая, что вокруг стоит гробовая тишина, а *дза* – внизу, у ног персонажа, тем самым указывая на источник звука.

Рис. 2

С учётом структурно-функциональных особенностей использования ономотопеи в манге при её адаптации на русский язык обычно имеют место два способа графического оформления. Первый – полная перерисовка оригинальных ономотопей, а второй – перевод-сноска с сохранением оригинальной ономотопеи в рисунке. В первом случае оригинальную ономотопею полностью стирают, а на её месте располагают аналогично стилизованную русскую ономотопею. Во втором случае оригинальную ономотопею оставляют без изменений, а где-нибудь рядом с рисунком или где-то между панелями даётся её перевод. В российских издательствах, специализирующихся на издании манги, обычно используются оба метода, при этом в случае с переводом-сноской предпочитают подписывать ономотопеи рядом, а не между панелями, как обычно поступают в пиратских переводах манги. Также иногда по требованию правообладателей перевод ономотопей помещают отдельно в конце книги, однако такое случается довольно редко.

У обоих способов имеются свои плюсы и минусы. Первый безусловно способствует полному погружению в происходящее, так как читателю будет проще не обращать внимание на японские знаки, однако в то же время этот способ значительно трудозатратнее в реализации. Кроме того, из-за того, что в переводе не всегда удаётся подобрать соответствующий

ющий эквивалент японской ономастике, нередко в качестве перевода выступают другие части речи русского языка. В таком случае гораздо логичнее использовать перевод-сноску, который не так сильно выделяется, как, скажем, существительные или глаголы, которые в некоторых случаях будут пересекать всю панель или даже всю страницу.

Рассмотрим несколько примеров перевода ономастических единиц на русский язык. В качестве иллюстративного материала использованы фрагменты манги Аки Акасаки «Госпожа Кагуя: В любви как на войне. Любовная битва двух гениев». Примеры перевода взяты из версии издательства «Азбука-Аттикус» [2]. В ней перевод всех ономастических единиц располагается в сносках рядом с японским оригиналом.

В примере на рис. 3 двум героиням предлагают представить, что их возлюбленный начал встречаться с другой девушкой. Реакция героини справа выражена ономастической единицей *もや...* ('*моя...*'), которая обычно репрезентирует неприятное, подавленное ощущение, лёгкую злость или досаду. Реакция героини слева передана неоднократным повторением ономастической единицы *ムカ* ('*Мука*'), которая передаёт внезапное сильное раздражение, злость или отвращение. Эти ономастические единицы показывают, что обе героини раздражены от подобных мыслей, из чего делается вывод, что они испытывают серьёзные чувства к своим возлюбленным. Однако если героиня слева несильно возмущена подобными мыслями, то героиня справа на воображённую ею ситуацию реагирует очень эмоционально. В русскоязычном издании оригинальную ономастическую единицу *もや* передали как *хмм*, а *ムカ* как *гrr* [2: 336]. В первом случае перевод явно не передаёт всех эмоций, что испытывает героиня, так как в русской речи *хмм* ассоциируется скорее с задумчивостью или усмешкой, а не с раздражением и досадой. Во втором случае перевод примерно соответствует оригинальному значению, хотя и не передаёт всех его оттенков.

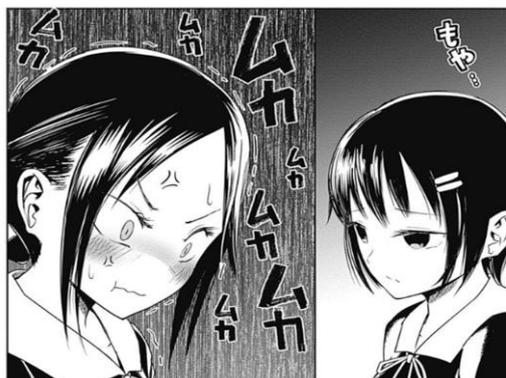

Рис. 3

В следующем примере (рис. 4) изображена героиня, эмоции которой переданы ономастической единицей *ムツスー* (*муссу:*), означающей недовольство,

злость, крайнее раздражение. В русской версии эта онomatопея была переведена как *grp* [2: 262], что в целом передаёт оригинальный смысл. Но если учесть пример, проанализированный выше, получается, что две разные японские онomatопеи имеют одинаковый перевод, хотя в оригинальных произведениях передают разные эмоции. Это свидетельствует о том, что зачастую переводчикам манги на русский язык не удаётся передать всего многообразия значений той или иной онomatопеической единицы.

Рис. 4

В фрагменте, представленном на рис. 5, эмоции героини переданы с помощью онomatопеи *カアアア* (*kaaaaa*), показывающей, что героиня покраснела от смущения. В русской версии данную онomatопею перевели как «румянец» [2: 12]. Данный пример – это тот случай, когда полная перерисовка оригинальной онomatопеи с заменой на русскоязычный эквивалент будет плохо восприниматься, так как слово *румянец* довольно громоздкое и не является в русском языке онomatопеической единицей, а потому переводсноска здесь смотрится гораздо удачнее. Следует отметить, что вариант нулевого перевода онomatопеи обычно не рассматривается, так как, во-первых, правообладатель может запретить удаление онomatопеи, а во-вторых, нередко онomatопеей закрывается значительная часть изображения, и следовательно, после её удаления придётся дорисовывать открывшиеся фрагменты рисунка. При локализации манги эту функцию выполняет клинер, чьей задачей является очищение страницы от «артефактов», то есть нежелательных побочных эффектов, возникающих при обработке изображения [1: 98].

Рис. 5

При переводе комиксов манга переводчики и локализаторы регулярно сталкиваются с проблемой перевода ономатопоических единиц. Основными причинами затруднений является то, что в японском языке ономатопоическая лексика гораздо богаче и функциональнее, чем в русском языке. В связи с этим при переводе манги на русский язык переводчикам нередко приходится или многократно использовать одни и те же ономатопои, что значительно затрудняет передачу всего спектра оригинальных значений, или прибегать к использованию других частей речи, что в свою очередь ставит вопрос о целесообразности адаптации графического оформления ономатопоей путём полной перерисовки соответствующих элементов.

Список литературы

1. Абрамович Н. А., Прасмыцкая М. В. Анализ искусства верстки и особенностей шрифтовых композиций графической японской литературы // Материалы докладов 55-й международной научно-технической конференции преподавателей и студентов: в 2-х т. Витебск, 27 апреля 2022 г. Витебск: Витебский государственный технологический университет, 2022. С. 97–100.
2. Акасака А. Госпожа Кагуя: В любви как на войне. Любовная битва двух гениев. СПб: Азбука-Аттикус 2020-2021. Т. 1-5.
3. Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
4. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.
5. Карпека Д. А. Грамматика японского языка: в 3-х т. СПб.: Восточный экспресс, 2018. Т. 1. 573 с.
6. Катасонова Е. Л. Манга и национальная художественная традиция // Манга в Японии и России: Вып. 1. Субкультура отаку, история и анатомия японского комикса: сб. науч. тр. Москва; Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2018. С. 11–44.
7. Румак Н. Г. О некоторых особенностях перевода ономатопоической лексики в японских комиксах манга на русский язык // Россия – Япония: политика, история и культура: сборник статей и докладов участников международной научно-практической конференции. Казань, 04–06 октября 2018 года. Казань: Издательство Академии наук РТ, 2018. С. 205-210.
8. Румак Н. Г. Ономатопоические слова японского языка: учебное пособие для продолжающих, 2-е изд., эл. М.: Издательский дом ВКН, 2020. 98 с.

Об авторах:

КОЛОСОВ Сергей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, перевода и французской филологии, Тверской государственный университет, e-mail: serge-kolosov@yandex.ru

ТУМАНОВ Ян Вячеславович – магистрант, Тверской государственный университет, e-mail: tumanov_yan@mail.ru

CHALLENGES IN TRANSLATING ONOMATOPOEIC UNITS OF MANGA COMICS INTO RUSSIAN

S.A. Kolosov, Y.V. Tumanov

Tver State University, Tver

The paper discusses the structural, semantic and functional aspects of onomatopoeic units in Japanese manga comics. It analyzes typical challenges translators and localizers into Russian face: the specific layout of the multimodal text, linguistic features of Japanese onomatopoeia, interlingual lacunas, semantic and pragmatic nuances.

Keywords: *manga, multimodal text, onomatopoeia, translation, localization.*

About authors:

KOLOSOV Sergei Aleksandrovich – Candidate of Sciences (Philology), associate professor, Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, e-mail: serge-kolosov@yandex.ru

TUMANOV Yan Vyacheslavovich – Graduate student, Tver State University, e-mail: tumanov_yan@mail.ru

© Колосов С.А., 2022
© Туманов Я. В., 2022